

ФИЛМСЕРИЯЛЬНАЯ АДАПЦИЯ

ВИКТОР ТОЧИНОВ

УИК-ЭНД
С МЕРТВОЙ БЛОНДИНКОЙ

«КРЫЛОВ»

Виктор Павлович Точинов
Родительский день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156152

Содержание

Ключ первый	5
Триада первая	5
Триада вторая	15
Триада третья	24
Триада четвертая	36
Ключ второй	47
Триада пятая	47
Триада шестая	59
Триада седьмая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Виктор Точинов

Родительский дом деревенский роман

Не дожившим до рассвета посвящается...

И сказал Посланник Божий, да благословит его Бог и да приветствует: «Ключей сокрытого знания, неведомого никому, кроме Бога, – пять: никто не ведает, что свершится в день грядущий; никто не ведает, что вынашивается в утробе; не ведает душа, что стяжает завтра; не ведает душа, в какой земле расстанется с телом; никто не ведает, когда ударит молния и пойдет дождь...»

Мухаммад ибн Исмаил аль-Бухари, «АС-САХИХ», III век хиджры

Ключ первый ЧТО СВЕРШИТСЯ В ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

Триада первая Никогда не оставляйте трупы на дорогах

1

Удар по голове оказался страшен.

Сознание Кирилл не потерял, но был к тому весьма близок. Картинка перед глазами стала мутной, подрагивающей, *плывущей*. Во рту неведомо откуда появился неприятный привкус. Внутри черепной коробки перекатывались, медленно затухая, волны боли. Лгут, нагло лгут врачи, утверждая, что мозг лишен нервных окончаний и не способен к болезненным ощущениям...

Кирилл не удивился бы, окажись лобовое стекло покрыто сетью мелких трещин после плотного контакта с его чере-

пом... Стекло выглядело целым, но и этому Кирилл не удивился. Не был сейчас способен к удивлению, и не только к нему...

В стороне, за гранью зыбкой мутности, возникли звуки, неприятно ударили по ушам. И далеко не сразу сложились в слова, произнесенные встревоженным Маринкиным голосом:

– Кира, ты жив?!

До того прозвучала еще одна фраза, но ее Кирилл толком не воспринял, вроде что-то про ремни безопасности, сама Марина их пристегивала всенепременно, доходя в своей педантичности до полного кретинизма... Так, по крайней мере, думал Кирилл. Ну к чему, скажите, пристегнутый ремень на *этой* дороге?! За двадцать километров не то что ни одного автоинспектора – ни единой встречной машины. И ни одна не обогнала их. И они – ни одну. Не видели ни единого пешехода...

Пешеход?

Боль в голове не то чтобы прошла, но стала тупой, ноющей, – и не помешала осознать простой и ясный факт: здесь и сейчас причиной для *такого* торможения мог стать лишь пешеход. Неведомо откуда выскочивший под колеса чертов пешеход...

Приехали...

Он медленно-медленно повернулся всем корпусом вправо, подозревая, что любое движение шеей закончится новым

всплеском боли. Бросил взгляд на боковое зеркало – с нехорошим подозрением, ЧТО сейчас придется увидеть на пыльной дороге...

Не увидел ничего. Марина, едва сев за руль, попросила настроить зеркало под нее...

Он потянулся к ручке, регулирующей положение упомянутого оптического прибора – плавным, аккуратно-расчетливым движением.

– Живой? – Сочувствия к мужу в голосе Марины явно убавилось. Зато появились знакомые резкие нотки, как же он их ненавидел...

– Жи... вой... – произнес Кирилл. Язык ворочался с трудом.

Манипуляции с ручкой успеха не принесли. Машина после экстренного торможения встала чуть под углом, с пассажирского места ничего не разглядеть.

– Что... это... было... – спросил Кирилл, понимая, что не хочет услышать ответ. Абсолютно не желает.

– Не знаю... Показалось – кошка. Но, по-моему, не кошка...

Он выпустил воздух сквозь сжатые зубы с каким-то странным, шуршащим звуком. К нешуточному облегчению приешалась изрядная доля злости. Ну конечно, кошка... Кто б сомневался... Угробить мужа ради какой-то поганой кошки – это вполне в стиле Марины свет Викторовны.

Кошек она обожала, в отличие от Кирилла. И уже на вто-

ром месяце совместной жизни притащила в дом котенка, очаровательного пушистого перса, уверяя, что всего-то на пару недель – подруге, дескать, не с кем оставить... Кирилл, понятное дело, ни на секунду не поверил, но, наверное, смирился бы, как обычно, – однако на сей раз коса Маринкиной настойчивости напоролась-таки на камень: мифической «подруге» пришлось вернуться из мифической «командировки» на несколько дней раньше – жизнь в обществе мужа со слезящимися глазами, да еще постоянно хлюпающего носом, быстро надоела Марине. Аллергия на кошачью шерсть – не поддающаяся никаким лекарствам – мучила Кирилла с раннего детства.

– Может, маленькая собака? – неуверенно сказала Марина. И отстегнула ремень безопасности.

Он вылезал из машины значительно медленнее жены – делать резкие движения по-прежнему не хотелось...

Под ногами, на днище салона, валялась литровая пачка томатного сока, выплеснувшая изрядную часть содержимого. Там же лежали два круассана – наполовину раскрошившиеся, рассыпавшиеся плоской ломкой шелухой... Останавливаться и терять время на совместную трапезу они с Мариной не стали, перекусывали по очереди, сменяя друг друга за рулем... Момент для своего завтрака Кирилл выбрал неудачно.

Лужица кроваво-красного сока на черной резине коврика выглядела неприятно. Мерзко. Тошнотворно.

По крайней мере Кирилл ощутил отчетливые рвотные позывы...

2

Как выяснилось, они задавили не кошку. И не маленькую собачку.

Да и откуда бы, в самом деле, взяться здесь домашним животным, – до ближайших домов, если верить карте, километров тридцать по прямой.

На лесной дороге с так называемым «улучшенным» покрытием лежала мертвая лисица. Наверняка очень невезучая лисица, родившаяся под злосчастным для лисьего племени расположением звезд. Надо же суметь – угодить под колеса первой и единственной за несколько часов машины.

Однако, едва Кирилл успел подумать о фатальной лисьей невезучести, показалось еще одно механическое средство передвижения. Вернее, сначала они услышали натужный звук двигателя, затем из-за изгиба дороги вывернул ЗИЛ – судя по внешнему виду, хорошо помнящий всенародное ликование в связи с первым полетом человека в космос.

Космическая аналогия пришла в голову Кириллу неспроста – за дребезжащим грузовичком тянулся густой шлейф пыли, вызывая мысли о реактивных двигателях.

Водитель – парень лет тридцати – сидел в кабине в одиночестве. Глянул в сторону парочки, стоявшей над лисьим

трупом, и отвернулся, сочтя событие не достойным ни вмешательства, ни внимания... ЗИЛ прогромыхал мимо. А Кирилл и Марину накрыл пресловутый шлейф.

Бежать и укрываться в салоне не имело смысла, стоило подумать об этом раньше, – клубы желтой пыли оседали и рассеивались достаточно быстро. Кирилл отвернулся в сторону леса, стараясь дышать через раз.

Марина пару раз чихнула, губы ее скривились, но адресованные водителю грузовика нелицеприятные слова так и не прозвучали – иначе тут и не проехать, за их «пятеркой» недавно тянулся не менее густой шлейф. Марина, получившая права полгода назад, весь свой невеликий водительский стаж накатала на городском и пригородном асфальте. И термин «улучшенная», отнесенный атласом автомобильных дорог к этой конкретной дороге, казался ей утонченным издевательством.

Затем пыль осела, и они вновь повернулись к виновнице происшествия.

К мертвой виновнице.

3

– Никогда не видела живых лис, – сказала Марина. – Те, что в зоопарке, не в счет.

Кирилл хотел было сказать, что и эта лисица не очень-то живая, но не стал. Болезненный гул в голове так и не рассе-

ялся, не хотелось ничего говорить, ничего делать...

Да и жена могла расценить реплику как издевательство – животных она любила, и не только кошек. Но, как типичное дитя большого города, все познания о предмете любви черпала исключительно из би-би-сишного «Мира дикой природы» и ему подобных передач.

Марина присела на корточки.

– Бе-е-едненькая... – И эта ее интонация оказалась до боли знакома Кириллу. Трудно, впрочем, ожидать иного после шести лет совместной жизни.

Одержав в семейном скандале очередную победу – и, осознавая потом, на холодную голову, что была не права, – Марина никогда не извинялась, не признавала ошибок. Но на следующий день обращалась к мужу более чем ласково. Таким же примерно тоном... И обязательно совершала какой-нибудь кулинарный подвиг: к плите Марина становилась редко, но если становилась... Тогда результаты ее трудов исчезали из тарелок со скоростью, непредставимой для блюд быстрого приготовления, приводить которые в надлежащий для потребления вид являлось обязанностью Кирилла. А затем, после роскошного ужина с обязательной бутылочкой хорошего вина, наступала ночь, – доказывавшая, что вкусная еда – проверенный путь не только к сердцу мужчины. Но и к кое-каким еще частям его, мужчины, тела...

Говоря честно, Кирилл даже *любил* семейные скандалы, где неизменно оказывался проигравшей стороной... Вернее,

любил следовавшие за ними дни и ночи, особенно ночи. Но эта вот фальшиво-ласковая интонация Марины...

– Бе-е-едненькая... – повторила Марина, осторожно прикоснувшись одним пальцем к лисьей шерсти.

Кириллу вдруг, неизвестно почему, захотелось: пусть труп лисицы неожиданно оживет, да и цапнет супругу за палец...

Не ожил. Не цапнул.

Судя по всему, колесо переехало зверька как раз посередине – сплющило, переломало кости. Ладно хоть кишки наружу не вылезли, такого зрелища Кирилл точно бы не выдержал... Его желудок начал протестовать даже сейчас, при виде небольшой лужицы крови, скопившейся возле пасти лисицы.

– Какая-то она совсем не рыжая, – сказала Марина.

Действительно, лисий мех был серовато-желтого цвета, и не только из-за осевшей на него пыли. Да и вообще летняя шуба кумушки выглядела непрезентабельно: шерсть редкая, сваливающаяся, клочковатая...

Кирилл сказал поучающим тоном:

– Они все по лету такие, и эта к зиме бы перелиняла, порыжела.

– Надо ее похоронить, – заявила Марина решительно.

– Хм...

Нет, он и сам понимал, что приличные люди за собой прибирают, и не стоит оставлять лисий труп валяться на дороге. Однако почему бы попросту не оттащить его в придорожные

кусты?

Спорить с женой Кирилл не стал. Невелик труд, в конце концов, – при наличии необходимых шанцевых инструментов. Но их-то как раз и не было, Кирилл давно собирался приобрести и возить в машине «малый джентльменский набор» – топор, ножовку, саперную лопату, да всё как-то руки не доходили.

– Положи ее в багажник! – сказала Марина приказным тоном.

Он попытался... Сходил к «пятерке», достал из багажника и надел брезентовые рукавицы, нагнулся, и...

Желудок, и до того не выступавший образцом благонравия, взбунтовался окончательно. Кирилл сделал два коротеньких шага в сторону, согнулся, едва успев отвернуться от лисы и Марины. Затем издал мерзкий, из глубин утробы вырвавшийся звук, еще один...

– Эх ты...

Марина сдернула с руки мужа рукавицу, вторую Кирилл выронил на дорогу. За спиной послышалась короткая возня, потом металлический лязг захлопнувшегося багажника.

И все-таки он сдержался, отвратительными звуками все и ограничилось. Стоял, глотая воздух широко распахнутым ртом. Наконец сумел выговорить:

– Похоже, не слабо я приложился... Сотрясение, хоть и несильное.

Желудок объявил временное перемирие. Гулкая боль в

голове, наоборот, усилилась. Больше всего хотелось лечь, вытянуться, – и ничего не делать...

Лисы на дороге не было. Лишь лужица крови, почти впитавшаяся в улучшенное покрытие. Словно кто-то расплескал томатный сок.

– Бедненький... – произнесла Марина тем же приторно-ласковым тоном почти то же слово. – Ты б видел себя – уже не бледный, зеленый совсем... Садись скорей в машину, может, медпункт какой в Загривье найдется, или фельдшер.

Она даже, уникальный случай, не попыталась выставить Кирилла виновником происшествия, вновь помянув про не пристегнутый ремень безопасности...

Он уселся на пассажирское место – медленно, осторожно, как будто опасаясь расплескать жидкое и болезненное содержимое собственного черепа. Супруга достала аптечку, положила Кириллу на колени.

– Посмотри, вроде бы я перед отъездом положила упаковку но-шпы...

Кирилл не сомневался, что так и есть, проблема «первого дня» всегда доставляла жене немало неприятностей. Он перебирал содержимое аптечки – не то, не то, а вот мезим отложим, вдруг и вправду незаменим для желудка...

И тут Марина закричала.

Истошно. Дико. Пронзительно.

Триада вторая

Прелести сельской жизни

1

Приобретение загородной недвижимости – идея, придуманная супругой Кирилла.

У всех приличных людей есть дачи – а мы что, хуже других? Бесплодно мечтать о чем-либо долгие годы Марина не привыкла, приходящие ей в голову мысли воплощались в жизнь быстро и неуклонно.

Родители ее, надо сказать, дачным участком никогда отягощены не были. Соответственно, все представления Марины о пейзажном быте основывались на впечатлениях, полученных во время визитов на дачи знакомых. И были те представления не то чтобы далеки от реальности, но несколько однобоки: блаженное ничегонеделание в разложенном шезлонге, и вечерние прогулки по живописным местам, и барбекю либо шашлык на полянке, среди пчел-цветов-бабочек... Ну и банька, разумеется.

Кирилл относился к ее придумке несколько менее восторженно. Его-то семья как раз владела «фазендой» – восемнадцать соток с большим крепким домом в Гатчинском райо-

не. Позже, после смерти отца – Кириллу шел четырнадцатый год – недвижимость пришлось продать, да и машину тоже, приснопамятное начало девяностых оказалось суровым временем для вдовы-домохозяйки с тремя несовершеннолетними детьми...

Но воспоминания о дачных трудах остались не самые радужные. Какой, к черту, отдых?! Самая настоящая каторга. И если для матери хоть добровольная, то для Кирюшки вполне принудительная. Вам когда-нибудь приходилось в нежном одиннадцатилетнем возрасте развозить тачкой по восемнадцати соткам громадную кучу навоза – вываленную самосвалом и гнусно воняющую? Развозить фактически в одиночку – отец пропадает на работе, мать беременна Танькой? Развозить в свои законные долгожданные каникулы? Расскажите кому-нибудь другому о прелестях сельской жизни.

Марину такие доводы не смущали. Вовсе незачем заморачиваться навозом, парниками и грядками. Беседка, аккуратные газоны, декоративный водоемчик с каскадом или фонтанчиком. А если ей вдруг придет идея сделать живописный альпинарий, благоверный может быть уверен – его эти труды никак не коснутся. Никакой каторги, самый настоящий отдых. Релаксация.

Кирилл был уверен: чтобы сия благостная картинка воплотилась в жизнь, – сил, времени и денег придется вложить ой-ой-ой сколько. Но бороться с напористым энтузиазмом жены себе дороже... Согласившись с главным постулатом:

дача и в самом деле не помешает, Кирилл выдвинул финансовые мотивы – показал бюллетень недвижимости с ценами на загородные дома. Да, зарплата у него по нынешним временам неплохая, но сразу такую покупку не осилить. Значит – кредит, петля обязательных взносов на шее... Они, если супруга позабыла, «пятерку» покупали на год-два, намереваясь именно на ней научиться как следует ездить – и сменить на что-либо более солидное. Покупка дома эти планы весьма отодвинет. И ежегодный отпуск за границей отменится. И еще кое-что отменится... А если он, тьфу-тьфу-тьфу, перестанет зарабатывать столько?

Но Марина подошла к делу конкретно: взяла бумагу, карандаш, калькулятор, произвела несложный расчет: нужна такая-то сумма на таких-то условиях на такой-то срок, чтобы не питаться одними макаронами, не одеваться в обноски и поменять спустя год машину. Ничего запредельного. Ищи подходящий банк.

Он начал искать... Вернее, лишь делал вид, что ищет, – не пытаясь найти...

И все-таки оказался здесь, на ведущей в Загривье дороге.

2

Марина закричала – истошно, дико, пронзительно.

Он рывком повернулся к ней, аптечка полетела под ноги, голова тут же откликнулась взрывом резкой боли.

Повернулся – и ничего не понял. Дикий вопль смолк. Марина – бледная, лицо искажено, губы подрагивают – сидела, далеко отставив нелепо вывернутую руку.

– Что с тобой?!

Она выдавила нечто совершенно нечленораздельное, показывая взглядом на обшлаг своего рукава.

Кирилл пригляделся и облегченно выдохнул. И быстро, двумя пальцами, снял ЭТО с руки Марины.

Дар речи вернулся к ней лишь спустя несколько секунд, да и то относительно:

– К-к-клещ? – голос звучал растерянно, жалобно.

Клещей она панически боялась с детства. Причем не беспричинно: задушевная ее подруга-второклассница не пришла первого сентября в школу – за неделю до того умерла от клещевого энцефалита...

В восемь лет смерть кажется чем-то далеким и абстрактным, и уж никак не касающимся тебя и твоих друзей-сверстников – последствия давней психологической травмы остались у Марины на всю жизнь. При всей платонической любви к природе вытянуть ее в лес за грибами было нереально. А неделю назад не поленилась, съездила в областной ЦГСЭН, выяснила: Загривье в «зоны риска» не попадает, вероятность подцепить энцефалит ничтожна.

Даже столь малый риск ее никак не устраивал, постановила сделать себе и мужу соответствующие прививки. Кирилл помнил, насколько это болезненная процедура, но не возра-

жал: дело и впрямь нужное. Однако в поликлинику до поездки в Загривье они так и не сходили...

– Да никакой не клещ, – сказал он ровным, успокаивающим тоном. И сдвинул насекомое кончиками ногтей. Прозвучал тихий, но вполне различимый щелчок. – Достаточно безобидная зверюшка... была. Встречал таких не раз. Не совсем, конечно, мирная, тоже кровь сосет, – из лесных животных, при случае из человека. Но никакой заразы не переносит.

Что убитое им насекомое в народе носит неблагозвучное прозвище «лосиная вошь», Кирилл не стал говорить. Останки маленького вампира отправились напрямик в пепельницу.

– Фу-у-у... Как оно сюда попало? Через окно? – Голос Марины все еще звучал встревожено.

– Да с лисы, конечно же... На рукавицу, потом на рукав. Ты осиротила зверюшку, она и нашла быстренько новый источник пищи... – он говорил, стараясь ничем не выдать легкое злорадство: это тебе не глянцевая картинка «Мира дикой природы», природолюбка ты наша.

– Значит, в багажнике теперь и другие могут ползать? Замечательно... – Марина быстро и полностью оправилась от потрясения, говорила в обычной своей манере: уверенно, безапелляционно. – В первом же магазине купим какой-нибудь дихлофос.

– Не надо... – вяло возразил Кирилл. – Нет других. У них массовый вылет в конце лета и начале осени. А эта или пе-

резимовала, или слишком ранняя. Одиночка, в общем...

– Все равно вылезай, осмотрим друг друга хорошенько. Не желаю быть ничьим источником пищи.

Дурное какое-то место, никак с него не уехать, подумал Кирилл.

Словно заколдованное...

3

Не так давно произошло событие, поставившее крест на тихом саботаже Кирилла. Вернее, даже цепочка из трех событий.

Началось все, когда пару недель назад он возвращался в Петербург из Москвы, двух-трехдневные командировки в первопрестольную давно стали для Кирилла делом привычным. Диспетчер аэропорта «Пулково» отчего-то не сразу дал добро на посадку – и «тушка» заложила огромный круг над городом. День выдался на удивление ясный, безоблачный, – с высоты в несколько километров можно было бы отлично разглядеть не только каждый дом, но и каждую легковушку на питерских улицах.

Можно было бы, но...

На беду, стояло абсолютное безветрие. Ни дуновения. И прекрасно виднелась лишь исполинская медуза смога, придавившая огромный город. Все дымы из заводских и фабричных труб, из ТЭЦ и котельных поднимались вертикаль-

но, и, никуда не уносимые ветром, расплывались, расплзались в стороны, опускались вниз – сливаясь в гигантскую мутную линзу. Над пригородами слой смога был немного тоньше, прозрачнее – но лишь немного. Только над Царским Селом, стоявшим в отдалении на холме, атмосфера оказалась достаточно чистой – в бывшей императорской резиденции практически нет крупных промышленных предприятий.

Кирилл обалдел.

Просто-таки обалдел...

И в этом мы живем???!!

И этим мы дышим???!!

Нет, понятно, ему доводилось слышать тревожные цифры, о которых трубили экологи, но цифра – вещь абстрактная, а чтобы так вот зримо, наглядно...

Мысленно он клял на чем свет стоит власти, и городские, и федеральные. Проблема известна давно: относительно небольшой исторический центр города стиснуло кольцо промзон – как накинутая на горло удавка. И лишь за бывшими заводскими окраинами (давно утратившими право именоваться окраинами) – внешнее кольцо «спальных районов». Куда ветер ни дунет, ядовитая отравка летит на людей.

Проблема известна, известно и единственно возможное ее решение – постепенно демонтировать предприятия, вывозить производства далеко за городскую черту, и новые жилые микрорайоны возводить на их месте, а не у черта на куличках...

Но все декларации властей на эту тему остаются на словах и на бумаге, а реальное положение дел – вот оно, перед глазами, за иллюминатором самолета.

Попутчики тупо пялились на пейзаж задыхающегося города, и, казалось, не хотели ничего замечать... Кирилл едва сдерживался, чтобы не проорать громко, на весь салон: «Да протрите глаза, мать вашу! Вас убивают, травят, а вам хоть бы что!!!»

У него была и еще одна причина для столь бурной реакции на увиденное. Перед командировкой Марина поведала: у нее *задержка*, уже две недели, в ближайшее время посетит консультацию. Он робко поинтересовался ее дальнейшими планами. Рожать, конечно же, удивилась она, – разве ты сам не заводил разговор о ребенке?

В такси, по дороге из аэропорта, он решил: если все подтвердится, большую часть беременности жена проведет подальше от ядовитой медузы смога. Ничего, уж сумеет он как-нибудь извернуться, тем более что преднамеренно не открывал Марине все карты – о корпоративных кредитах, например, она не имеет представления...

Все подтвердилось.

Через восемь месяцев следовало ожидать прибавления семейства.

Но к займам и кредитам прибегать не пришлось. Пока Кирилл ездил в Москву, на глаза супруге попалось объявление о продаже дома в Загривье.

Цену за недвижимость запрашивали удивительно, невероятно низкую...

И Кирилл сразу заподозрил неладное.

Триада третья

Ангелы бывают разные

1

С «заколдованного места» они наконец уехали.

Две таблетки но-шпы, принятые Кириллом, сделали свое дело. Голова вела себя относительно прилично – если не вертеть ею по сторонам и не притрагиваться к огромной шишке.

Можно сказать, легко отделался: первые десять километров пустынной дороги, ведущей к Загривью от Гдовского шоссе, оказались заасфальтированными, и Марина уверенно держала сто двадцать. Выбежала бы там лиса под колеса... – Кирилл болезненно поморщился, представив этакую перспективу. И постановил отныне всегда пристегиваться, на любой дороге и на любой скорости.

Меж тем дорога вынырнула из леса, потянулись поля, под колесами вновь зашуршал асфальт. Не стоило заглядывать в атлас, чтобы понять: цель их путешествия, Загривье, неподалеку. Единственный здешний центр цивилизации. Как убедился Кирилл после дотошного изучения карты-километровки, к названиям всех остальных деревень в радиусе пятнадцати километров присовокуплялась пометка курсивом в

скобочках: *нежил*. Давняя война страшным катком прокатилась по населенным когда-то местам — неподалеку летом сорок первого происходила страшная мясорубка, именуемая историками «боями на Лужском рубеже».

Вдали показались первые дома. Кирилл со слабой надеждой достал сотовый телефон — а ну как здесь заработает? Тогда надо будет позвонить, предупредить, что подъезжают...

Надеялся он напрасно — стилизованное изображение антенны оставалось по-прежнему перечеркнутым, мобильником здесь можно фотографировать окрестные пейзажи, или использовать его в качестве будильника, или сыграть от безделья в «тетрис»... Только применить по прямому назначению нельзя.

Однако дозвонились же они сюда из города, значит чья-то зона покрытия зацепляет и эти Богом забытые места... Цифры кода оказались незнакомые, и оператора сотовой связи по ним Кирилл не опознал, — ничего, узнает и купит еще один телефон, подобрав подходящий тариф, чтобы не оставаться без связи при поездках.

Если они, поездки сюда, вообще будут... Но, судя по настрою благоверной, — всенепременно будут.

Когда мимо мелькнула белая табличка с надписью «ЗАГРИВЬЕ», Марина бросила быстрый взгляд на спидометр. Констатировала:

— Сто восемьдесят семь кэмэ, как одна копеечка. А по прямой... сколько ты говорил?

– Чуть больше сотни...

Неудивительно, что после войны большинство здешних селений не восстановили. Очень уж дорога неудобная – чтобы попасть сюда с Гдовского шоссе, приходится давать изрядного крюка, объезжая громадное болото с названием Сычий Мох. А по прямой от города – с востока, через реку Лугу, вообще не проехать: нет ни моста, ни паромной переправы.

– Не беда, даже на уик-энды можно ездить, – бодро сказала Марина. – Считай, под боком. Вон, Новотоцкие дом на Ладоге купили, в Карелии. Девять часов за рулем – раз в год в отпуск выбирают. А платили, между прочим, на пять тысяч дороже. По ценам трехлетней давности.

Кирилл кивнул.

И тут же пожалел об этом движении – голова откликнулась резкой болью.

2

Объявление, найденное Мариной в бюллетене недвижимости, и впрямь поразило несуразно низкой ценой.

Нет, хорошенько порывшись в пресловутом издании, можно было отыскать еще более смешные суммы. Но даже на фотографиях видно: предлагаемые к продаже дешевые строения – хибарки чуть больше собачьей будки размером – служат отнюдь не для отдыха. Для той самой садово-огородной каторги. Жить в них нельзя, лишь хранить сельхоз-

инвентарь. Ну разве что иногда заночевать на раскладушке, припозднившись после праведных трудов к последней электричке. Впрочем, продавались задешево и большие, ладные деревенские дома – но где-нибудь в тмутаракани, в новгородской, псковской или вологодской глубинке.

Здесь же... Кирилл первым делом заподозрил опечатку в объявлении: или наборщики пропустили нолик, или по ошибке указали рубли вместо долларов или евро... Никак не могут стоять столько крепкие жилые дома с обширными участками в Кингисеппском районе Ленобласти. Город Кингисепп (поименованный так в честь пламенного эстонского революционера) – совсем рядом, в ста километрах по Таллиннскому шоссе. Почти пригородная дача получается... Не бывает такого.

Он озвучил свои сомнения. Марина настаивала: позвони, что теряешь? Телефон в объявлении был указан областной. Судя по коду, агентство недвижимости располагалось в городе Сланцы. Ничего удивительного, Кингисеппский и Сланцевский районы граничат.

Кирилл позвонил, предчувствуя: даже если не опечатка, то какой-то лохотрон. Какой именно, так сразу и не представить, но наши люди куда как изобретательны в деле выманивания наличности у сограждан. Например, если дом действительно так хорош, может моментально объявиться второй покупатель, вернее – лжепокупатель, и предприимчивый продавец устроит аукцион – торг дело азартное, увлекшись,

можно невзначай выложить сумму, раза в полтора-два превышающую рыночные цены...

Однако в телефонном разговоре ничего подозрительного не прозвучало: да, цифра правильная. Нет, никаких агентств, дом продает наследник, напрямую. Да, денег у него хватает, и единственная цель – избавиться от загородной обузы. Нет, цена фиксированная, никаких аукционов. Да, приезжайте и смотрите, понравится – покупайте. Деньги взять с собой? – да зачем же, расплатитесь позже, в городе, при оформлении.

Абсолютно ничего подозрительного не прозвучало. И по какому-то капризу логики именно это показалось Кириллу неладным. Раз не просят приехать с деньгами – надо надеяться, что потенциальных покупателей в Загривье не бьют ломом по голове и не зарывают на скотном выгоне. Но жульничество вполне вероятно. Например, чуть погода объявится еще какой-нибудь наследник, чьи интересы продажа ущемляет – и объявит по суду сделку незаконной. Ищи-свищи тогда продавца с твоими денежками...

Казалось, собеседник – мужчина с уверенным голосом – уловил между слов сомнения Кирилла. И предложил: вы с кондачка не решайте, приезжайте в Загривье в любое время, поживите пару дней (совершенно бесплатно, разумеется!) – присмотритесь хорошенько и к местам, и к дому.

Кириллу предложение понравилось. И не только потому, что за два дня можно не спеша выявить все недостатки потенциальной покупки – печь с плохой тягой или гнилое де-

рево под слоем свежей краски. Можно будет и с местными потолковать, в деревне шило в мешке не утаишь, всё расскажут, про самых дальних родственников-наследников вспомнят.

Хорошо, сказал он, как и когда нам это осуществить?

Да когда удобно, но если затяните, могут другие желающие объявиться. Нет, сам он приехать не сможет: работа такая, что выходные крайне редко и нерегулярно выпадают. Но у соседа лежат ключи, и есть с ним предварительная договоренность как раз о возможном двухдневном визите покупателей. Позвоните ему, скажете, что от меня, условитесь о времени, – собеседник назвал имя соседа и десять цифр федерального номера.

Через две недели Кирилл и Марина поехали в Загрявье.

3

В общем и целом, деревня понравилась обоим.

Дома большие, *справные*, все как один на высоких фундаментах, сложенных из грубо обтесанного дикого камня. Кирилл где-то вычитал, что давным-давно эту архитектурную особенность русские крестьяне позаимствовали у аборигенов здешнего края, у чухонской народности воть. По крайней мере, можно не опасаться, что нижние венцы у покупки окажутся гнилыми.

И расположены дома вольготно, привольно – не то что в

скупенных шестисоточных садоводствах, где волей-неволей живешь под пристальными взглядами соседей.

Да и пейзаж неплох – с двух сторон поля, за ними, вдалеке, километрах в пяти-шести, темнел лес. С двух других сторон к Загривью примыкала вытянутая, дугой изогнувшаяся возвышенность. Местами она тоже поросла лесом, местами поляны перемежались с зарослями кустарника. Вот и название деревни объяснилось – наверняка такие протяженные и неширокие возвышенности в местном сленге как раз именуются гривами.

А за гривой, если верить карте, то самое огромное болото – Сычий Мох. Удобно: достаточно близко, если вдруг приспичит сходить за клюквой. А комары до Загривья не долетят, далековато для кровососов.

...Первый встреченный местный житель оказался на деле жительницей, девчонкой лет десяти: исцарапанные загорелые коленки торчат из-под подола цветастого платья, мышьи хвостики косичек, конопатая мордашка.

Марина притормозила, опустила стекло, поинтересовалась: как проехать к дому Лихоедовых?

Жительница склонила голову к правому плечу, и воззрилась столь изумленно, словно ее попросили коротенечко, в двух словах, изложить суть специальной теории относительности.

Марина повторила вопрос, причем на удивление ровным тоном, ни следа раздражения в голосе.

Жительница склонила голову к другому плечу, и отражавшиеся на лице раздумья явно стали еще более напряженными.

«Может, немая или слабая на голову?» – подумал Кирилл. Пьют в медвежьих углах по-черному, и детки на свет появляются с самыми разными отклонениями.

Однако девчонка тут же опровергла его измышления.

– Так вон же! – указала на дом, до которого «пятерка» не доехала буквально полсотни метров. Захихикала и унеслась куда-то вприпрыжку – наверное, рассказать подружкам про городских дурачков, в упор не замечающих дом Лихоедовых.

Кирилл отметил, что искомый дом, как и некоторые другие из виденных в Загривье, украшен сразу двумя антеннами, поднятыми на высоченных еловых жердинах. Одна явно самодельная, слаженная из двух непонятных металлических деталей: здоровенных пластин с большими круглыми отверстиями. Вторая фабричная, но тоже несколько непривычного вида, с торчащими во все стороны металлическими штырьками.

...Очередной загривчанин (загривец?), встреченный уже на лихоедовском подворье, тоже оказался ребенком – мальчиком лет пяти-шести. (Значит, не такая уж здесь унылая жизнь, мельком подумал Кирилл, не только старичье доживает век, хватает и молодых, и рожают достаточно активно...)

Наружностью мальчонка обладал самой ангельской.

Конечно, встречи с ангелами наукой достоверно не зафик-

сированы, и внешность их мало кому известна. Но именно такими когда-то давно изображали (а ныне вновь начали изображать) ангелочков на рождественских и пасхальных открытках: младенческая пухлость щек, выющиеся белокурые кудри, невинный взгляд ясных-ясных глаз. Лишь крылышки – всенепременный атрибут с тех же открыток – у загрявского херувимчика еще не прорезались.

Зато чудесное дитя явно отличалось ангельским трудолюбием и желанием помочь родителям: пристраивало на большой чурбак что-то, показавшееся Кириллу деревянной чуркой. Рядом лежал топор. Вернее, колун с потемневшей ручкой, обмотанной на конце синей изолентой.

Ни дать, ни взять сюжет для нравоучительного рассказа в детскую хрестоматию: утомленные страдой отец с матерью еще спят, а любящий сынок колет дровишки для самовара – попотчевать проснувшихся родителей свежим горячим чаем.

– Ма-а-альчик! – протянула Марина неприятным, каким-то скрипучим голосом. – Немедленно отойди от этой гадости!

Кирилл удивился. Но тут же все понял. Разглядел, ЧТО именно лежало на чурбаке. ЭТО и раньше находилось в поле зрения, но мозг отчего-то не воспринимал, не осознавал увиденное – слишком уж оно не вписывалось в нарисованную воображением благостную картинку.

На неровной, иссеченной многими ударами топора дере-

вянной поверхности лежала *крыса*.

Дохлая крыса...

Здоровенная – мордочка касалась края чурбака, кончик хвоста свешивался с противоположного. Голова у грызуна была неправильной, сплюсненной формы – и причина того сомнений не вызывала: неподалеку валялась крысоловка.

Самая простая, без затей, крысоловка. Скоба, мощная пружина, сторожок и дощечка-основание. Последняя деталь вся в бурых пятнах – наверняка немудреное устройство прикончило многих представителей хвостатого племени.

Чудесное дитя, никак не реагируя на присутствие чужаков, внесло легкую правку в свой натюрморт – чуть изогнувшийся голый крысиный хвост лежал теперь идеально ровно.

– Мальчик! Слышишь меня?!! – чуть ли не завопила Марина.

Ангелочек, без сомнения, слышал – взглянул на нее бездонными, небесно-голубыми глазами. И с видимой натугой поднял колун на уровень груди.

– Ты... – Марина осеклась.

Колун опустился с глухим стуком.

Был он совершенно тупой, предназначенный не рассекать что-либо, но лишь раскалывать дрова. Да и силенок у мальчика не хватало на полноценный замах.

Металлический клин, угодивший ровно по середине крысиной спинки, не разрубил грызуна пополам – смял, сплюснул, вдавил в дерево, ломая косточки... Кирилл отлично ви-

дел, как дернулись вверх задние лапки и хвост, передняя часть тоже дернулась, при этом из крысиной пасти вылетело, выплеснулось что-то мерзкое, тягучее, буро-красное...

Желудок отреагировал мгновенно, без всяких предупреждающих позывов. Кирилл чудом успел согнуться – хлынувшие наружу остатки завтрака все же не попали на одежду.

Он с ужасом глядел на кроваво-бурое отвратительное пятно у себя под ногами.

Кровь...

Кровь?!

Тут же вспомнил: сок, проклятый томатный сок, в жизни больше не возьмет его в рот...

Он понял, как смотрелся сейчас со стороны – точь-в-точь как та крыса, даже цвет выплеснутого очень похож, словно и ему, Кириллу, с хрустом опустилось на спину крушащее железо... Словно это он лежал на иссеченной плахе. Спина немедленно откликнулась тягучей болью – психосоматика чистой воды. Желудок тоже не остался в стороне, жесточайшие спазмы не прекращались...

Ангелочку, похоже, были не в диковинку блюющие неподалеку незнакомцы. Тюк! Тюк! Тюк! – работа колуна не прекращалась.

Марина что-то крикнула – смысл слов скользнул мимо сознания Кирилла, потом крикнула что-то еще, потом мерное тюканье смолкло.

Кирилл наконец сумел разогнуться. С губ свисала лип-

ко-тягучая нить слюны, смешанной с чем-то гнусным, он смахнул – тут же прилипла к пальцам, он потрянул рукой, не помогло, взмахнул резко, яростно, – и эта гнусь улетела не куда-нибудь, а ровнехонько на его джинсы... Он мысленно взвыл, представив, каким идиотом выглядит.

Взгляд Кирилла – помимо его воли – скользнул к чурбаку. И тотчас же отдернулся. Нет уж, ни к чему рассматривать месиво, в которое превратилось крыса, хватит на сегодня тошнотворных зрелищ...

Марина застыла с колуном в руках – отобрала у юного дератизатора. И если кто-нибудь заглянет сейчас во двор Лихо-едовых, наверняка решит: именно эта молодая симпатичная женщина – автор лежащего на чурбаке непотребства. Ибо заподозрить ангелоподобное создание в подобных развлечениях решительно невозможно.

– Зачем?! – спросил Кирилл у мальчика. И, уже спросив, понял, – ответ услышать не хочется. Не интересно, и всё тут.

– Так ведь родительский день завтра, – произнес малыш так, будто это заявление полностью оправдывало его странное, мягко выражаясь, занятие.

Произнес самым ангельским голоском.

Триада четвертая

Особенности национальной резьбы по дереву

1

Хозяина они не застали дома.

Антонина Лихоедова (представившаяся, впрочем, как Тоня) была дородной женщиной лет так... честно говоря, Кирилл затруднился определить ее возраст. В лучшем случае приблизительный диапазон: от тридцати до сорока с небольшим. Встречаются такие безвозрастные пухляночки – жирок растягивает кожу, сглаживает первые морщинки, куда как заметные у более худощавых сверстниц.

– Так ведь нет его... – несколько смутно ответила Антонина на вопрос о муже.

– Уехал?! – чуть не хором ахнули Кирилл и Марина.

Договориться с хранителем ключей им было не так-то просто: в телефонном разговоре Трофим Лихоедов настоял на их приезде именно в этот уик-энд, не раньше и не позже. Поскольку работает он не здесь, а на выезде (кем именно работает, Кирилл не разобрал, слышимость оказалось паршивенькая). В общем, позже его, Трофима, две недели не будет

в Загрьивье. А ключи он никому не оставит, потому как своим карманом отвечает за дом и все в нем имеющееся, так вот.

Они переверстали кое-какие свои планы – приехали точно в назначенный срок. И вот вам...

– Так нет же... – Антонина засмеялась, развеселившись от непонятливости приезжих. – Куда ж уедет, коли договорено? За домом сам-то, на выгоне, – слышите, топором стучит? Щас Юрка сгоняю...

Она вытерла руки полотенцем – Кирилл и Марина застали хозяйку за раскатыванием теста; вышла в сени, гаркнула Юрку, чтоб единым духом бежал за отцом, покупатели приехали, дескать.

– Так что погодите чуток, – сказала Антонина, вернувшись и к гостям, и к своему тесту. – Придет...

Надо понимать, ангелоподобного юного натуралиста звали Юрой. Кирилл хотел было поинтересоваться у хозяйки, знает ли она об увлечениях сына, но раздумал. Может, у них в доме экологическая катастрофа случилась – массовое нашествие крыс. Сгрызли все продукты и, оголодав, на людей бросаются...

Спросил он о другом:

– Скажите, а у мужа вашего какой оператор мобильной связи?

Антонина уставилась изумленно, словно слышала такие слова впервые в жизни.

Кирилл попытался объяснить:

– По телефону мы ему звонили, на сотовый номер...

– А-а-а... – Антонина разулыбалась. – Так ведь это ж... Откуда ж у нас сотовым-то? Не работают тут у городских, кто приедет... Приема нету.

Теперь изумился уже Кирилл, но ненадолго. Как тут же выяснилось, беседовал с ним хозяин по радиотелефону «Алтай» – Антонина указала на помянутое устройство, стоявшее в углу на отдельном, наверняка специально для него сколоченном столике.

Да уж, мобильным этот телефон никак не назовешь... Два серых металлических ящика внушительных размеров, на одном из них сбоку подвешена пластмассовая трубка – когда-то белая, ныне пожелтевшая. Кирилл смутно помнил, что давным-давно, во времена его детства, подобные системы стояли в машинах такси, в те годы сплошь государственных. Лишь второго, большего, ящика в тех «волгах» с шашечками и зеленым глазком не было, – в нем наверняка трансформатор, позволяющий работать от сети, а не от автомобильного аккумулятора.

М-да... чудо советской техники. Дизайн и эргономика тут плачут горькими слезами, однако же – функционирует! Хотя по виду никак не младше хозяйки... Кирилл сильно сомневался, что с помощью его навороченного мобильника спустя тридцать лет удастся куда-нибудь дозвониться.

Ну что же, назначение вторых антенн над некоторыми загривскими крышами выяснилось. Заодно выяснилось, что

они, приезжая сюда, останутся без связи – где теперь купишь такой антиквариат?

– Так и не надо ж покупать... – обнадежила Антонина. – В конторе напрокат возьмете, в Сланцах-то. Уж не помню, как там она зовется, да найдете легко – дом серый, бетонный, аккурат под вышкой телевизорной. Залог оставите, да еще сорок целковых каждый месяц – и звон<И>те себе на здоровье.

Кирилл взглянул на часы и понял – обещанный «чуток» несколько затянулся. Или юный любитель природы имел о термине «единым духом» своеобразное представление, или решил по пути за отцом исполнить какое-нибудь неотложное дело. Проверить крысоловки, например.

– Так сами ж и сход<И>те, – предложила хозяйка. – Недалеко ж, за дом пройдете, так и увидите... А Юрок у меня и впрямь такой... задумчивый. Увидит чего, рот разинет, все из головы вон. Сходите, а то мне от теста никак...

Делать нечего – они самостоятельно двинулись на поиски. Обходя дом, Кирилл удивленно присвистнул:

– Вот это да... Любопытный мотивчик в орнаменте...

Марина взглянула на массивный деревянный ставень. Сегодня они видели в Загрявье много резьбы по дереву: на каждой двери фигурные наличники, на всех окнах жилых домов – распахнутые резные ставни, на нежилых – плотно затворенные. Но в деталях образчик художественного народного промысла разглядеть удалось впервые.

Орнамент и вправду был неординарным – затейливо сплетенные правосторонние свастики.

2

«В лесу раздавался топор дровосека...» – вспомнил Кирилл школьную классику. Ну-ну, а на лугу корова раздавалась, а в кустах – соловей. Надо ж так написать, и никто не закричал ведь: графомания! Классики что за ересь ни сочинят, все хорошо...

На самом деле топор раздавался не в лесу – на задах Лихоедовского участка. Но раздавался...

Трофим Лихоедов внешне был полной противоположностью своей супруге – невеликого росточка, худощавый, движения быстрые, несколько суетливые. И речь такая же, никакого сравнения с плавной напевностью фраз Антонины, – словно опасался, что перебьют, не дадут договорить. Но одно сходство имелось: лексические конструкции и у мужа, и у жены в большинстве своем начинались всенепременным «так». Не то особенность эта свойственна всему местному населению, не то лишь семейству Лихоедовых...

– Так это ж, щас и пойдем, что тянуть-то... – Трофим воткнул небольшой плотницкий топорик прямо в деревянное сооружение, над которой работал.

Рукоять топорика, как и у его родственника-колуна, тоже оказалась обмотана синей изолентой, очевидно, в видах

большей хватистости. Причем не абы как – судя по всему, сначала Трофим обернул дерево неплотными витками старой веревки – получились выемки под пальцы. Странно... Отчего-то Кирилл никогда прежде не видел подобных усовершенствований.

Предназначение объекта лихоедовских трудов тоже осталось загадкой: небрежно обтесанное бревно, а к нему Трофим приколачивал под углом деревянный щит из толстых нестуганых досок. Неподалеку лежало вторая аналогичная конструкция, законченная.

Спросить прямо: что, мол, это такое? – Кирилл постеснялся, и без того выглядят полными профанами в деревенских делах. Но почему-то у него мелькнула мысль о баскетболе: любящий папаша приколотит к щитам обручи от старого бочонка, обтянутые картофельной сеткой, вкопает столбы здесь, на лужайке, – а Юрочек-ангелочек будет тренироваться в метких и дальних бросках, используя вместо мячика раздувшийся крысиный труп...

«Вот ведь паршивец малолетний!» – разозлился Кирилл. На весь день впечатление оставил, про что ни подумаешь, мысли все равно на крыс сворачивают...

– Далеко идти? – спросила Марина. – Может, быстрее доехать?

– Так нет же, за три дома всего, дольше в машину залезать да вылазить, опосля, как посмотрим, так уж и отгоните, не боитесь, свои тут все, не тронут, – протараторил Трофим на

одном дыхании. Перевел дух и продолжил:

– Так отсюда и пойдём, напрямки, задочками, ключи вот у меня при себе, поджидал вас как-никак, гостей дорогих, – он хлопнул по карману своей рабочей спецовки, где и впрямь что-то глухо звякнуло. И широко улыбнулся, очевидно желая продемонстрировать радушное гостеприимство. Вот этого ему как раз делать не стоило. Зубы у Лихоедова оказались хуже некуда – гнилые, потемневшие, трех или четырех не хватало, – и улыбка произвела впечатление, далекое от запланированного.

С чего это вдруг мы ему стали «дорогие»? – мелькнуло у Кирилла. Прикатили, от работы оторвали...

Не иначе как хозяин посулил соседу за труды процент от стоимости проданного дома.

3

Недвижимость, на осмотр которой шагала по истоптанной скотом луговине их троица, и в самом деле располагалась через три дома от подворья Лихоедовых.

Однако идти, вопреки уверениям Трофима, пришлось изрядно. Домов-то три, да участков пять. Правда, на двух из них остались лишь пепелища с закопченными русскими печами, сиротливо вытянувшими трубы к небу. Кирилл вспомнил, что въезжая в Загривье, они уже видели старое, заросшее лопухами пожарище. Или даже два... Не многовато ли

тут пожаров случается?

– Так горят, – пожал плечами Лихоедов в ответ на прямой вопрос, – почитай, что ни лето, так полыхает, в прошлом году, правда, Бог миловал. Без хозяев-то стоят, без пригляда, молния вдарит – так пока еще соседи увидят, что загорелось... А грозы у нас... О-о-о! Во всей округе самые знатные!

Он даже остановился, поднял палец многозначительным жестом, – чтобы Кирилл и Марина в полной мере оценили, какие знаменитые на весь район случаются над Загривьем грозы.

Затем вновь пошагал, продолжая тараторить без умолку:

– Так ведь даже с самой Москвы наука приезжала, лет уж десять тому, вон, на гриве прибо-о-о-ров всяких понатыкали, а-но-ма-ли-ю, значит, изучали. Вот ведь дармоеды, а? Путёвым бы чем занялись за денежки-то народные...

Неизвестно, как именно провинилась перед Трофимом та давняя экспедиция. Может, тем, что у него никто из «науки» не остановился на постой, лишив дополнительного приработка, может еще чем... Но весь оставшийся путь он продолжал ругать дармоедов-ученых. И закончил обвинительную речь несколько странным пассажем:

– Так вот жаль, что тока в августе прикатили, а то была бы им а-но-ма-лия, захребетникам...

Но Марина и Кирилл не обратили внимания на странную фразу, – внимательно вглядывались в дом, являвшийся целью их похода, оставалось до него не более сотни шагов.

Тогда не обратили...

...Что ни говори, агент по продаже недвижимости из Трофима получился бы никудышный. И провел он Марину с Кириллом пусть и самой ближней дорогой, но дом они увидели с невыигрышного ракурса.

Понятно это стало, лишь когда они обошли вокруг и оценили вид с улицы.

Дело в том, что Загривье не располагалось на ровной, как стол, местности, — холмы чередовались с низинками. «Их» дом как раз и стоял на склоне одного из таких взгорков. Фундамент — сложенный, как и все здесь, из дикого камня, с задней стороны был невысок — по колено, не больше. Со стороны же улицы — значительно выше человеческого роста. В результате строение, показавшееся при подходе приземистым и неказистым, разительно преобразилось, стоило сменить точку наблюдения: прямо-таки устремленные к небесам хоромы...

Как ни странно, дом выглядел *жилым*, в отличие от других, пустовавших в Загривье. Ни следа обветшалости, заброшенности. И окна не закрыты ставнями. Они, ставни, отчего-то вообще здесь отсутствовали.

Обидно...

Кирилл уже предвкушал, что тоже станет владельцем такого резного чуда. Ну да ладно, если все сложится, — закажут у кого-нибудь из местных умельцев. Но желательно без свастик. Нет, понятно, что этот распространенный у древних

славян символ появился задолго до бесноватого фюрера и его коричневой мрази, но все равно как-то неприятно жить в доме с такими украшениями...

А вот участок и в самом деле производил впечатление заброшенного, причем заброшенного много лет назад – наверное, за год-два такой густой, стеной стоящий бурьян не нарастет.

Любопытно... Хозяйство осталось без владельца давненько – а наследник решил продать лишь этим летом, не раньше и не позже. Почему? Потребовались деньги? Отчего тогда запросил столь смешную цену?

Впрочем, неважно. Можно считать, что им повезло. Просто повезло.

Они поднялись на обширное высоченное крыльцо, Кирилл зачем-то сосчитал ступени, оказалось их шестнадцать...

Трофим ковырялся ключом в огромном навесном замке, что-то бурча себе под нос. Внизу, в углу двери, была врезана другая дверца, крохотная, с подпружиненной петлей – очевидно, чтобы кошка могла приходить-уходить самостоятельно, не выстукая дом. Как выяснилось позже, подобными устройствами были оборудованы и черный ход, и дверь, ведущая из сеней во внутренние помещения. Заколочу, подумал Кирилл.

Марина прошептала тихонько:

– Ты только посмотри...

Вид с крыльца действительно открывался шикарный – по-

что вся деревня как на ладони, и поля, и дальний лес...

Похоже, бывший хозяин с умыслом посадил плодовые деревья так, чтобы не закрывали перспективу. И поставил здесь, на крыльце, добротную слаженную лавочку – посидеть, отдохнуть, полюбоваться окрестностями.

Замок поддался наконец усилиям Трофима, он распахнул дверь, шагнул внутрь, продолжая бурчать что-то неразборчивое.

А Марина положила мужу руки на плечи, заглянула в глаза:

– Кира, я хочу здесь жить!

И впилась в губы долгим поцелуем.

Ключ второй ЧТО ВЫНАШИВАЕТСЯ В УТРОБЕ

Триада пятая Хорошо иметь домик в деревне

1

– Так конечно ж, Тонька-то тута аж три дня прибиралась, – сказал Трофим с гордостью. – А то как же – вы приедете, а тута пыль до колена, да паутина по углам? Так и я ж руку приложил, вон, пробки вкрутил, – он щелкнул выключателем, настольная лампа загорелась. – Бак опять же накачал, бак тута знатный, на полкуб<А>, с нержавейки, горячей воды тока нет, говорили ж Викентию: ставь бачок в печку на полсотни литров, будешь как кум королю, сват министру, Никита-печник занедорого совсем ставил, он всё собирался, собирался, да прособирался, помер, а потом и сам Никита помер-то, прошлым годом...

Антонина потрудилась здесь на славу. Нигде ни пылин-

ки, ни соринки, посуда в сушилке-«ленивке» сверкает, заново вымытая. Марина прошла в горницу, откинула край покрывала с большой двуспальной кровати – белье хрусткое, свежевystиранное. Кирилл остался в соседнем помещении, совмещавшем функции кухни и столовой, крутанул кран, вода забарабанила в эмалированную раковину. Цивилизация, однако... Он-то ожидал увидеть какой-нибудь антикварный ручкомойник, на носик которого приходится нажимать намыленными руками...

– Так хорошая вода, вкусная, – пояснил Лихоедов, – добрый колодец был у Викентия, правда, застоялся малехо, но я ж кубов пять выкачал, да и всё путем... Вон тама унитаз даже стоит, – он кивнул на неприметную дверь, – все как в городе, тока вот канализации нету, все в яму текёт, хошь не хошь вычерпывать раз в год надо. Ну да коли деньги водятся – плати тыщу, сенизаторы со Сланцев прикатят, сами всё и выкачают...

Видимо, наследник не стал забирать абсолютно ничего из вещей умершего Викентия. Оно и понятно: например, старый черно-белый телевизор «Темп» разве продашь? Лет через семьдесят, возможно, коллекционеры будут платить бешеные деньги за такие уцелевшие раритеты. Но не сейчас...

Холодильник – ЗИЛ с закругленными очертаниями и торчащей из корпуса массивной ручкой-рычагом – помнил еще более древние времена. Шестидесятые годы, когда мало кто из советских граждан жил в отдельных квартирах – в ручку

встроен замок, дабы соседи по коммунальной кухне не подворовывали продукты и не подливали в суп чернила.

Холодильников, кстати, здесь имелось целых три: помимо упомянутого ЗИЛа, в обширной кладовке стоял еще один, неизвестной модели: металлические буквы названия оторваны с передней панели. И третий, в сенях, – «Самарканд» несколько более современного вида.

– Так что все три на ходу, без обману, – Трофим воткнул штепсель «Самарканда» в розетку – холодильник заработал шумно, завибрировал, да что там – просто-напросто затрясся, словно в честь пробуждения от долгого-долгого сна собрался немедленно пуститься в пляс на своих крохотных винтовых ножках... – однако передумал и несколько поутих. Лихоедов широким жестом распахнул дверцу – лампочка исправно загорелась, осветив белое пластиковое нутро. Полки там отсутствовали, равно как и пластмассовая дверца на морозильной камере.

– Так этот вот весь одна морозилка сплошная и есть, – пояснил Лихоедов в ответ на вопрос Марины. – Если, значит, свинью забить, али другую животину, – разве ж сюды всё впихнешь? – Он щелкнул пальцем по кожуху камеры. – А так мороз на всю внутренность...

Кирилл удивился было – ему почему-то казалось, что крестьяне режут скот поздней осенью, либо в начале зимы, как раз во избежание подобных проблем. Хотя какие нынче зимы, смех один в сравнении со старыми временами, – плюс

пять и дождичек под Новый год никого уже не удивляют... Вот и подорвало глобальное потепление климата традиционный уклад деревенской жизни.

– Так-то всё путём, телевизор тока вот не фурычит, – вздохнул Трофим. – Я врубил – шипит, ничего не кажется... Сломался, али с антенной чего... Ну да беда небольшая, что вам та рухлядь, новый с городу привезете.

На этом он счел свои обязанности гида-экскурсовода законченными. Спросил:

– Так это... когда обратно-то вы?

Кирилл переглянулся с женой. Ответила глава семейства (Марина, разумеется):

– Завтра, в воскресенье. После обеда, до вечера оставаться не станем. Кирюше в понедельник на работу.

– А-а-а... – неопределенно протянул Трофим. И брякнул на обеденный стол связку ключей. – Так уж сами разберетесь, какой от бани, какой от сарая... На возвратном пути заедете, отдадите. Ну а ежели глянется хозяйство, с Николаем-то сланцевским сами дальше разговоры ведите, а я свою службу справил... Пойду, делов сёдня навалом. Родительский день как-никак завтра.

Кирилл слегка удивился. Он ждал, что Лихоедов еще долго будет расписывать достоинства дома и обстановки. Похоже, версия об агентских процентах шита белыми нитками. Но отчего тогда они с Антониной столь тщательно возились с предпродажной подготовкой? Деревенский менталитет, на-

до полагать. В городе, пожалуй, куда реже встречаются люди, так ответственно и с душой относящиеся к чужим просьбам.

Трофим ушел. Они остались вдвоем.

2

– Я чувствую себя Машей из сказки про трех медведей, – сказала Марина. – Кажется, сейчас дверь распахнется, ввалится хозяин: ну-ка, кто тут ел из моей миски?

И в самом деле, у Кирилла тоже возникло похожее чувство. Наверное, Антонина в своем стремлении навести порядок чуть перестаралась...

Он сказал преувеличенно бодро:

– Нет уж, нет уж! Не надо нам такой стивенкинговщины: похороненный хозяин выкапывается из могилы – проверить, как тут его любимое жилище...

Марина рассмеялась – как показалось Кириллу, слегка неуверенно. Потом взглянула на часики, сказала:

– Ну что, покурим? Уже можно.

Две недели назад она заявила: с третьего месяца – ни единой сигареты, может повредить малышу. И к тебе, милый, то же самое относится: нечего дымить, как паровоз, вводить меня в искушение и превращать в пассивную курильщицу. Беременность, Кира, дело совместное.

С тех пор Марина проводила свою линию с неумолимой последовательностью: чтобы не бросать слишком резко, они

постепенно увеличивали промежутки между выкуренными сигаретами. На работе Кирилл, понятное дело, безбожно нарушал установленный женой график. Дома и в совместных поездках приходилось терпеть... Он был уверен, что супруга, даже оставшись в одиночестве, не жульничает – ее б силу воли, да в мирных целях...

Курили, разумеется, на крыльце.

Кирилл даже не стал спрашивать мнение жены: покупаем дом или нет? И без того все ясно...

Марина ластилась: прижалась к плечу мужа, гладила пальцами кудри... С чего бы? Прояснилось все быстро.

– Кирюньчик, как твоя головушка? Сможешь пригнать машину от Лихоедовых? А то я что-то совсем никакая, вымоталась, передохнуть хочу, прилечь, ножки хоть на полчаса вытянуть...

Лет пять назад Кирилл всенепременно после таких слов сделал бы комплимент ее бедным уставшим ножкам, таким стройным и красивым. И снес бы ее на руках в горницу, к кушетке... И, вполне возможно, за машиной от той кушетки он отправился бы не сразу, несколько погодя, и в весьма улучшившемся настроении.

Сейчас же...

Сейчас он просто осторожно прикоснулся к украшавшей голову шишке, задумался: все не так плохо, коли уж не вспоминал о травмированной голове до самого вопроса Марины. Наверное, все же не сотрясение, – лишь сильный ушиб. От-

ветил коротко:

– Пригоню.

– Умничка! – она чмокнула мужа в щеку. – Кстати, про какой родительский день они твердят? Мне вроде казалось, что родительская суббота – это незадолго до Пасхи...

– Не знаю... Может, Троицу здесь так именуют? Она не завтра, случайно? Тогда понятно – принято в этот день на кладбище ходить: могилки прибрать, предков помянуть...

Оба были абсолютными атеистами и скептиками, не отдавая дань даже модной ныне внешней религиозности – и в датах церковных праздников ориентировались слабо. Вопрос остался открытым.

...Шагая за машиной к подворью Лихоедовых (на сей раз по деревенской улице, ну ее, эту короткую дорогу среди коровьих лепешек) Кирилл вновь вспомнил недавнюю мысль про кушетку и стройные Маринины ножки, и про то, что еще пять лет назад все было иначе... Вздохнул: психологи давно доказали – после нескольких лет брака взаимное охлаждение неизбежно. Но отчего-то каждая пара в начале совместной жизни уверена: уж к ним-то такое утверждение никак не относится... Эх-х-х... Ладно, родится ребенок, и все у них наладится...

Хотелось бы верить.

Марина осталась одна.

Прошлась по горнице, рассматривая вещи – совершенно ей чужие вещи, старые, помнящие тысячи прикосновений чужих рук, слышавшие тысячи чужих разговоров.

И эта *чуждость* давила. Еще как давила...

Хотелось взять большой мешок, или большую коробку, быстро покидать туда все ненужное старье, и – на помойку. Разрушить здешнюю ауру. Избавиться от впечатления, что хозяин вышел и вот-вот вернется... С кладбища не возвращаются. Всё. Точка. Это будет ИХ дом.

Увы, вариант с большим мешком не проходит. Пока не проходит, по крайней мере до оформления сделки...

А вот это... Нет, ЭТО она не выбросит. Знакомая вещь, почти родная... Как привет из прошлого.

Марина остановилась рядом со старинной ламповой радиолой «Ригонда» – достаточно громоздким ящиком, возвышавшимся на непропорционально тонких ножках. Точно такой же предок современных музыкальных центров некогда стоял у ее тетки – мать часто бывала в гостях у сестры, и, пока женщины болтали о своем, пятилетней Маришке ставили пластинку, «Буратино» или «Незнайку», эти две сказки она знала наизусть, и других слушать отчего-то не желала...

Она осторожно, почти нежно коснулась пальцем полиро-

ванного дерева. Именно дерева, никаких ламинированных ДСП в годы создания этой вещи не употребляли... Решено, радиолу они оставят. Если не работает, попробуют починить.

Та, теткина, перешла в конце концов во владение Владика, кузена Марины, – парнишки на десять лет ее младше, ярого фаната «Биттлз». И юный меломан утверждал, что все это не старье, а классное ретро, что никакие транзисторы не сравнятся по характеристикам, по чистоте звука со старыми добрыми лампами. Правда, родными динамиками «Ригонды» он все же не пользовался, – прослушивая виниловые диски из своей коллекции, пропускал звук через современную акустическую систему.

Не откладывая в долгий ящик, Марина тут же устроила проверку работоспособности «классного ретро». Приемник функционировал вполне исправно на всех диапазонах. На диске проигрывателя никакой пластинки не было, и поблизости не видно... Она с сожалением опустила полированную крышку. Ладно, попросит потом у Владьки какой-нибудь не самый ценный диск...

Следующий предмет, привлечший внимание Марины, ей решительно не понравился. Часы. Висевшие в кухне-столовой настенные часы-ходики с маятником и двумя гирьками, соединенными длинной цепочкой. Гирьки выполнены в форме еловых шишек, краска с них облупилась, проглядывает сероватый свинец...

А еще часы были с кукушкой – по крайней мере стоило

ожидать, что плотно затворенные дверцы распахнутся, и выскочит именно эта птичка. Ходики безбожно вращались, показывая без двух минут восемь – не то утра, не то вечера. Марина уставилась на дверцы, ожидая появления пернатой хранительницы времени. Как и бывает в подобных случаях, секунды ползли с кошмарной медлительностью. Громкое тиканье раздражало, – хотя, когда рядом находился Кирилл, она не замечала навязчивый звук.

Тик-так, тик-так... Словно идет обратный отсчет чьей-то жизни... И осталось ее, жизни, совсем чуть...

Минутная стрелка подрагивала различной лишь вблизи дрожью – туда-обратно, туда-обратно с крохотной амплитудой – но уверенно ползла к двенадцати... Марине пришла неожиданная мысль: а где был ангелочек-Юрчик, когда его родители приводили дом в порядок? Не здесь ли тоже? И чем, любопытно знать, занимался?

У нее возникло иррациональное предчувствие: сейчас дверца распахнется, и...

И появится отнюдь не кукушка, нечто иное...

Крыса.

Дохлая крыса.

Оскалится, уставится мертвыми глазами, любопытствуя: а что это ты тут делаешь?

Стрелка перевалила двенадцать, поползла дальше... Дверца не распахнулась. Вообще. Сломаны, с облегчением поняла Марины.

Но мысленное картинка – выскакивающая из часов окровавленная крыса – оказалась настолько яркой, что она подняла руку и решительно остановила маятник. Тиканье смолкло. Нечего тут... Здесь ЕЕ дом! Ну, почти ее... И при первой возможности эта рухлядь отправится на свалку.

Она прошлась по кухне еще. Больше ничего интересного на глаза не попадалось, Марина машинально подошла к большому обеденному столу, столь же машинально потянула за ручку выдвижного ящика...

Ящик служил хранилищем для всевозможных нужных и ненужных мелочей. Очки со сломанной дужкой, пакетики с семенами, давно просроченные таблетки в пачках и таблетки в стеклянных скляночках, груда квитанций на оплату электричества, налога на недвижимость, чего-то еще...

Внимание ее привлекла небольшая – на половине ладони поместится – овальная шкатулочка. Бронзовая, чеканная, старинной ручной работы. Изящная вещица... Когда у них здесь появится камин, шкатулочка чудно будет смотреться на каминной полке.

Она легонько потрясла находку. Внутри перекатывалось что-то маленькое, но твердое. Не один предмет, несколько.

Неужели старик Викентий держал здесь немудрящие драгоценности покойной жены – пару сережек, нательный крестик, простенькое колечко – а наследник не стал заморачиваться поисками?

Не слишком доверяя собственной догадке, Марина попы-

тгальс снлть крышку со шкатулочки, та шла туго, потом как-то неожиданно легко соскочила, содержимое чуть не просыпалось на пол.

Разглядев, ЧТО она отыскала, Марина с трудом удержалась от крика.

Триада шестая

Сколько весит свиная голова?

1

Любопытство, как известно, губит кошек. И не только их.

Но Кирилл все же полюбопытствовал: по пути к Лихоедовым подошел поближе к паре загривских домов, пригляделся к орнаменту резных ставень и наличников. Так и есть, везде повторяется один и тот же мотив – сплетенные свастики.

Ну и ну... Хорошо, что в такую глушь редко забираются корреспонденты либеральных изданий – перед сном заглядывающие со свечкой под кровать в поисках притаившихся русских фашистов.

А то бы уж сочинили всем сенсациям сенсацию: целая деревня Страшных Русских Фашистов! «Русский Марш» отдыхает, РНЕ нервно курит в сторонке...

Сам Кирилл относился к истерии вокруг старых символов равнодушно. Не так уж важно, что нарисовано на знаменах, гораздо важнее – какие дела под ними вершатся. Крылья самолетов, башни танков и советской, и американской армии украшали пятиконечные звезды Соломона, имеющие не менее древнюю историю, – но никто же не ставит знак равен-

ства между США и Советским Союзом.

К тому же было у Кирилла одно давнее хобби, одно увлечение, – история Зимней войны с финнами. И он знал: кокарды фуражек у солдат Финляндии (безоговорочно оправдываемой нынешними либералами в том давнем конфликте с тоталитарным Союзом) – тоже были украшены свастикой! Причем с восемнадцатого по сорок четвертый годы, а Гитлер, как известно, в девятнадцатом служил в Красной гвардии Баварской республики. И ходил, хе-хе, со звездой Соломона на красной нарукавной повязке, какой позор для будущего фюрера арийской нации...

Пока он шагал, размышляя о делах минувших дней, эхо которых звучит и сегодня, мимо, в том же направлении, прокатила машина. Уже третья. И опять с городским, с питерским номером... И что бы это значило? Наплыв городских родственников в честь пресловутого родительского дня? Или объявились конкуренты в покупке недвижимости?

Последнее предположение не оправдалось – у лихоедовского забора по-прежнему стояла лишь их «пятерка».

Антонина, закончив возню с тестом, занималась на огороде прополкой. На вопрос Кирилла о так и мелькающих мимо городских машинах ответила:

- Так это... как всегда, за мясом приехавши...
- За мясом?! Сюда?! Из Питера?! – изумился Кирилл.
- Так чтоб и не приехать, по тридцать-то целковых... Пудами ж берут.

Цифра изумила Кирилла еще больше.

– Так на рынке ж от нашей, крестьянской цены чуть не вдесятеро накручено, – пояснила Тоня. – Торгаши пить-есть хотят, да прочая братия... А у нас на ферме забой два раз<А> – под родительский день, да под ноябрьские. Шасто что, а по осени так и катят, прям вереницей... Под завязку грузят, на продажу небось. А летом так, для себя, помаленьку, а то и прям тута, вблизих, шашлыки с водочкой затевают, места-то у нас привольные. Помню, прошлым годом...

Она осеклась, наморщила лоб. Видимо, задумалась: стоит ли рассказывать прошлогоднюю историю, очевидно, не короткую? И решила: не стоит. Закончила совсем по-иному:

– Так и вы ж к ферме скатайтесь, тама и продают... Мясо свежее, парное – чтоб не попользоваться, коли случ<А>й выдался?

Она объяснила, как добраться до фермы, и вернулась к прерванной прополке.

А Кирилл завел машину и покатил к «их» дому.

Надо понимать, почти уже действительно их, без всяких кавычек.

2

Марина с трудом удержалась от крика.

Поставила шкатулочку на стол медленно, осторожно, словно была она наполнена самыми зловредными, самыми

кусачими насекомыми. Энцефалитными клещами, например.

На деле содержимое бронзовой емкости оказалось куда более безобидным.

Зубы.

Обычные зубы.

Человеческие.

Не вставная пластмассовая челюсть – натуральные резцы, клыки, моляры с длинными почерневшими корнями... Коронковые части тоже выглядели не лучшим образом – изрядно стертые и потемневшие. Наверняка бывший владелец экспонатов этой странной коллекции был далеко не молодым человеком. Да к тому же заядлым курильщиком.

Викентий? Скорее всего – зубы крупные, мужские.

Марина зримо представила сидящего здесь, у окна, старика – неопрятного, грузного, одинокого... Вот он лезет двумя пальцами в рот, достает очередной, давно уже шатавшийся зуб, кладет в шкатулочку, к ранее выпавшим собратьям... Рассматривает, перебирает кусочки *себя*, ставшие вдруг инородными, чужими... Вспоминает, как когда-то, давным-давно, пленял белозубой улыбкой девушек... Всё ушло навсегда, и жить, по большому счету, незачем, и тащиться за тридевять земель, на зубное протезирование, совершенно ни к чему...

Б-р-р-р...

Извращение. Фетишизм дикий какой-то.

Она взяла шкатулочку двумя пальцами, далеко отставив

руку. Изящная вещица не виновата, что ей нашли такое отвратное применение – но, прежде чем украсить каминную полку, будет тщательно прокипячена, простерилизована... Где тут у нас мусорное ведро?

Как выяснилось, одно крохотное упущение в своих титанических трудах Антонина все же допустила – два ведра с мусором, оставшимся после генеральной уборки, не были вынесены, стояли в дальнем углу сеней. Марина опрокинула шкатулочку над одним из них, скользнула взглядом по другому... Да что ж такое, скажите на милость! Прямо какой-то день прикладной анатомии выдался! Не зубы, так ребра...

Ребра, по счастью, оказались не настоящие – большой рентгеновский снимок грудной клетки. Присмотревшись в свете тусклой лампочки, Марина увидела некую странность, нагнулась... Вот оно что. Это не рентгеноснимок, вернее, лишь был таковым в первоначальной своей ипостаси. А потом стал патефонной пластинкой...

Марина их не застала, знала лишь по рассказам старшего поколения – когда-то, до широкого распространения бытовых магнитофонов, кое-где стояли павильоны и ларьки грамзаписи. Можно было записать понравившуюся мелодию, надиктовать звуковое письмо... А в качестве носителя чаще всего использовали старые рентгеновские снимки.

Точно, вспомнила она, Владик как-то хвастался парой раритетных записей битлов «на ребрах».

Удачно... Марина взяла диковинную пластинку. Можно

теперь проверить радиолу. Личное послание, если что, она слушать не будет. Лишь убедится – звук есть – и тут же выключит.

Звука не было.

Ребра и хребет вращались, впустую наматывая оборот за оборотом. Игла пересекала их раз за разом, но радиола выдавала лишь легкое шипение.

Разочарованная Марина потянулась к выключателю, и тут раздался *звук*. Не голос, и не музыка, – по крайней мере, инструмент, породивший эти акустические колебания, музыкальным можно было назвать с огромной натяжкой.

Протяжный, пронзительный скрип, меняющийся по тону, под конец уходящий вовсе уж в ультразвуковую область... Как будто ржавым гвоздем провели по оконному стеклу, а заодно – и по хребту Марины.

Скрип завершился, и вновь тишина, лишь прежнее шипение иглы, бороздящей чьи-то ребра. Оборот, оборот, оборот... Ничего. Какая-то помеха при звукозаписи, решила Марина. Но где то, что собирались записать?

Скрип прозвучал снова. Тот же самый. Теперь на него наложился иной звук, вызвавший неприятные ассоциации со стоматологическим кабинетом: словно бешено вращающийся бор врезался в зуб – не постоянно, а периодически, следуя определенному ритму...

Вторая пауза закончилась значительно быстрее. И после нее к двум первым присоединился третий «инструмент» – не

иначе как плеть, раз за разом рассекающая со свистом воздух...

Все-таки ЭТО было мелодией... Пауз не стало, вступали все новые инструменты, Марина уже не пыталась представить, на что же они могут походить... И первоначальная какофония начала складываться в некий мотив – дикий, нелюдской, но определенно обладающий внутренним ритмом. Даже гармонией, если здесь применимо такое слово...

Да уж... Сплошной сумбур вместо музыки. Не диво, что под такие увертюры одинокий старик начал коллекционировать свои выпавшие зубы. Может, это так называемые «народные инструменты»? Ну, всякие там рожки-гудки-сопелки-дуделки... Да нет, ерунда. Народные оркестры из крепостных были у русских вельмож, вроде Потемкина, – не стали бы те слушать подобную ахинею... Больше похоже наделки придурков-авангардистов, пытающихся извлекать «музыку» для услаждения слуха особо продвинутых граждан, – из громко скрипящей двери, из шумно спускающего воду унитаза и тому подобных устройств... Но откуда ЭТО здесь? И зачем?

Она думала, что пластинка «на ребрах» уже ничем не удивит. Ошибалась. К «инструментальному ансамблю» присоединился дуэт вокалистов. И оказался гнуснее всего, ранее услышанного.

Первый «певец» голосом, как таковым, не пользовался. Полное впечатление, что человек – с заткнутым кляпом ртом

– громко мычит носом от дикой, непредставимой, сводящей с ума боли. Мычит, тем не менее, попадая в такт мелодии, под которую его пытаются...

Второй голос – очень тихое, слитное, неразборчивое бормотание, ни слова не понять... Казалось, бормочущий то обращался к мычащему, то смолкал.

Мычание становилось все громче и громче, заглушив под конец и бормотание, и инструменты. Динамики «Ригонды» буквально ревели, Марина потянулась было к ручке громкости...

И тут все смолкло.

Смолкло на таком диком крещендо, что не оставалось сомнений, – человек издал его и умер. Умер от жуткой боли.

Игла проигрывателя подпрыгнула вверх, ребра продолжали беззвучное вращение.

Марина застыла, тупо глядя в никуда.

И стояла так века, тысячелетия, совершенно потеряв представление о пространстве и времени...

Заставил ее вздрогнуть, очнуться лишь звук автомобильного сигнала, долетевший с улицы.

Кирилл...

Быстрым, каким-то хищным движением она сдернула снимок-пластинку с проигрывателя.

И спрятала в первое попавшееся место – в бельевой шкаф, под стопку ветхих, но чисто выстиранных и наглаженных мужских рубашек.

На крыльце послышался веселый голос Кирилла:

– Ау, хозяйюшка! Отпирай!

И стук в дверь.

Марина раздраженно шагнула в сени – самому уж и двери не открыть, не маленький вроде... – и остановилась, изумленная.

Массивный внутренний засов входной двери был задвинут.

Она не помнила, что хотя бы прикасалась к нему – с момента своего появления в этом доме.

Абсолютно не помнила...

3

Продавщицу звали Клавой – и сей факт она первым делом сообщила Кириллу самым радостным тоном. Так прямо и сказала:

– Здравствуйте! А меня Клава зовут! Мяса купить приехали, да? – слова сопровождались широчайшей улыбкой.

Можно подумать, что в этом импровизированном магазинчике, примыкавшем к длинному, приземистому зданию свинофермы АО «Загривье», продавалось что-то еще, кроме мяса и мясных субпродуктов...

Тем не менее, при всей внешней бессмысленности, тирада продавщицы оказалась-таки информативна – и между слов в ней можно было услышать многое.

Например, что Клаве – кустодиевской девице с соломенно-рыжей косой до пояса – надоело до смерти Загривье, и здешние кавалеры, не способные связать двух слов, зато сразу норвящие залезть под юбку.

И то, что Кирилл – видный городской парень – чем-то ей понравился, хотя на самом-то деле она *не такая*, но вот понравился с первого взгляда, что тут поделаешь, – и при некоей толике галантности и предприимчивости вполне способен составить успешную конкуренцию деревенским Казановам, попахивающим навозом...

Нет, господа, мужчинам это не под силу, лишь женщины способны вложить в свои глупо звучащие речи бездны тайного смысла...

Примерно так подумал Кирилл, и понял: энтузиазм девицы надо гасить, причем очень быстро. Хотя весьма симпатична и молода, лет двадцать, не больше. Но... Марина задержалась в машине с целью навести блиц-марафет, в любой момент может войти. А реакция его супруги на подобные ситуации... Не будем о грустном.

– Можно и мяса... – улыбнулся он в ответ сдержано. И сделал совершенно ненужный жест, просто чтобы продемонстрировать обручальное кольцо на пальце. – Но вообще-то мы с женой сюда дом купить приехали.

Улыбка Клавы исчезла, словно кто-то повернул невидимый выключатель: щелк! – и погасла.

– А-а-а... – сказала она разочаровано.

И все-таки (вот чертова девка!) продолжала смотреть на Кирилла с нескрываемым интересом. Дескать, сегодня женат, завтра бросил, на другой женился...

– Ну и прикупите мяса заодно, коли уж приехали! Смотрите, красота какая...

Тут она, якобы желая продемонстрировать товар лицом, начала перекладывать аппетитнейшие куски свиной вырезки, придавая им выигрышный ракурс. И как-то получилось, что куски те лежали на дальнем от девушки конце прилавка – так что ей пришлось низко склониться над мясным изобилием.

Ну что же, товар она продемонстрировала успешно, в том числе и собственный бюст под белым халатом, не застегнутым на две верхние пуговицы... Бюст был выдающимся. Во всех смыслах.

И, конечно же, именно в этот момент вошла Марина.

Ситуацию она поняла и оценила мгновенно, даже не приглядываясь к мизансцене и ее персонажам. Наверное, такие уж флюиды витали в воздухе...

– Ох... – сказала Марина. – Сколько мяса-а-а...

Невинная и вроде бы уместная фраза прозвучала крайне двусмысленно. Прозвучала хриплым ревом боевой трубы, вызывающим на смертный бой.

Клава величаво разогнулась и ответила взглядом, полным снисходительного превосходства. Что там, дескать, бормочет эта городская замухрышка, носящая бюстгальтер перво-

го размера?

Началось, напрягся Кирилл. Ожидать можно было всего.

Ну, не совсем всего, – способы борьбы благоверной с соперницами, как с истинными, так и с мнимыми, давно изучены и сводятся к двум базовым вариантам.

Первый – агрессивный. Причем агрессия не слепая, не истеричная, – все, что предпринимает в таких случаях Марина, делается с холодным расчетом и трезвой головой. И направлено на соперницу...

Второй – ласковый. Тут объектом приложения служит муж, а соперница попросту не замечается. Игнорируется. Будто и нет ее. Но, понятное дело, все расточаемые мужу ласки рикошетом попадают в гадюку-разлучницу, обернувшись ядовитыми стрелами: посмотри, как нам хорошо вдвоем, как мы счастливы, а ты – никто, пустое место, пыль под солнцем...

Примитивные существа эти женщины.

Сегодня Кириллу повезло.

Оба варианта равновероятны, но Марина отчего-то избрала второй. Может быть, до сих пор чувствовала себя чуть-чуть виноватой за происшествие на лесной дороге. Лишь чуть-чуть, на большее она не способна.

– Красотища... – а вот эти слова и в самом деле адресовались уже богатому мясному ассортименту. – Кирюньчик, солнышко, да ты знаешь, что я тебе из *этого* сделаю?

Она прошлась вдоль прилавка – ни дать, ни взять англий-

ская королева, ревизующая монаршьи регалии.

– Я тебе тако-о-о-е сделаю... – Между слов звучало: делает, еще как делает, сначала очень-очень вкусное, а после вкусного – очень-очень приятное, такое, что в жизни не сможет сделать деревенская клуша, только и сумевшая отрастить на дармовой свинине неприлично большие сиськи.

Она повернулась от прилавка к Кириллу.

– Бесподобно... Спасибо, милый, что меня сюда вытащил...

И, нимало не смущаясь постороннего взгляда, обняла мужа, припала к губам в долгом-долгом поцелуе.

Впрочем, какие, к чертям, посторонние? Не было тут таких. Лишь стояло у прилавка некое рыже-грудастое торговое оборудование, чьи единственные функции – взвесить выбранный товар, принять деньги и отсчитать без обмана сдачу.

Целоваться Марина умела – при желании – и сполна умением воспользовалась, но Кирилл вдруг почувствовал себя сидящим в бочке с вареньем – и вкусно, и сладко, но чересчур уж много. Приторно...

Марина вновь обернулась к прилавку.

– Вот из этого я сделаю отбивные, сегодня же, – прямо-таки промурлыкала она, тесно прижимаясь к мужу. – А вот это... о-о-о, ты не представляешь, какое чудо можно сотворить из свиной головы...

Кирилл и в самом деле не представлял. Что еще можно со-

орудить из упомянутой детали свиного организма, кроме самого банального студня? Но интригующий тон супруги определенно намекал на нечто экстраординарное и запредельное.

Голова возвышалась над прочим содержимым прилавка, как египетская пирамида над жалкими хижинами своих создателей. Мертвые глаза ее смотрели мудро и пронизательно, словно издалека, словно из неведомого свиного рая. Зубы оскалились в усмешке: как будто последнее зрелище в жизни хавроньи – нож в руке приближающегося мясника – весьма ее позабавило.

Кирилл вообще-то собирался после появления жены в магазинчике держать рот на замке. Во избежание. Но тут не выдержал:

– Куда нам такая огромная... Не осилим. Да еще испортится, пока до дома довезем...

Его репликой тут же воспользовалась Клава – как предложением для вступления в разговор. Роль статистки без слов девушку угнетала.

– Берите-берите, – быстро сказала она, обращаясь исключительно к Кириллу. И добавила заговорщицким шепотом:

– Это ведь не просто свинка... ЭТО САМА МАДАМ БРОШКИНА!!

– Странное имя для свиньи... – пробормотал он, и тут же пожалел о сказанном. Взгляд Марины на пару мгновений стал колючим и неприязненным. Когда-нибудь – не сразу, на холодную голову – она ему это припомнит.

Клава явно пыталась перехватить инициативу:

– А вот такая она и была... погулять любила. Одно слово – мадам Брошкина. Ее ж той осенью забить еще собирались – так ведь сбегла, сколько раз ее на огородах да на гриве видели, да все никак словить не могли... По холодам сама пришла.

Кирилл молчал, Марина же ответила, – по-прежнему ласково и по-прежнему в упор не замечая продавщицу, – лишь на его предыдущую реплику:

– Ну что ты, любимый... Не испортится, у нас же здесь целых три холодильника! Охладится как следует за ночь, да за половину дня, доедет до города как миленькая...

Кирилл удивился – до сих пор Клава демонстративно игнорировала речи его законной супруги. Но к последним словам прислушалась внимательно – лицо вдруг стало серьезным, чтобы не сказать тревожным, лоб нахмурился...

– Так вы до завтра остаетесь... – протянула она негромко.

И, кажется, хотела добавить что-то еще... Но не успела. На сцене появилось новое действующее лицо – из двери, ведущей во внутренние помещения, вынырнул невысокий чернявый мужчина, тоже в белом халате. Нос пришельца оседлали несколько кривовато сидящие очки – и стекла их оказались чуть не с палец толщиной.

– Клавка, марш в разделочную, – негромко скомандовал мужчина. – Петровне прибрать пособишь.

Клава глубоко вздохнула, но перечить не стала, удалилась.

Марина проводила ее победным взглядом: идите, дескать, идите, сударыня, вымыть помещение, загаженное кровавыми ошметками мяса, – вполне достойная ваших талантов задача.

Мужчина повернулся к ним. Глазки его сквозь толстые линзы казались крохотными, и оттого в них чудилось недоброжелательное выражение... Кирилл понимал, что это всего лишь оптический эффект, преломление лучей, – и все равно не мог отделаться от ощущения: мужчине неприятно их присутствие. И он очень хочет, чтобы они убрались как можно быстрее.

– Покупать что-то будете? – ровным, бесцветным голосом спросил мужчина.

– Будем... – без энтузиазма ответила Марина. Еще бы, оборвали спектакль на самом интересном месте.

Как выяснилось, Тоня Лихоедова несколько преувеличила здешнюю дешевизну: по «тридцать целковых» за килограмм продавались шеи, ребра, ножки, еще кое-какие менее ценные части свиных организмов... И головы. Вырезка же стоила на целых двадцать рублей дороже...

«Интересно, сколько она может весить, эта черепушка, из которой обещано некое потрясающее блюдо?» – задумался вдруг Кирилл, пока мужчина взвешивал и упаковывал мясо, выбранное Мариной для отбивных. Определить на вид не получалось даже приблизительно... Затем вдруг пришла вовсе уж дурацкая мысль: он не знает даже, сколько весит

его собственная голова. И, понятное дело, никогда не узнает... Хотя... Нет ничего невозможного под Луной, по крайней мере теоретически... Если во Франции вдруг вновь введут казнь на гильотине, а он к тому времени туда эмигрирует и чем-то крупно проштрафится, и при этом верна гипотеза о загробной жизни...

Тьфу, оборвал он идиотское рассуждение. Надо ж о такой ахинее задуматься: сколько весит твоя голова...

– Девять килограмм триста грамм, – сказал мужчина, словно бы подслушав мысли Кирилла. Тот вздрогнул, с трудом удержавшись от нервного смешка. Но, конечно же, названная цифра относилась к водруженной на весы башке знаменитой мадам Брошкиной...

Спустя несколько минут они шли к машине, Марина вальяжно выступала впереди, небрежно помахивая пакетом с двумя кусками свиной вырезки.

А сзади Кирилл влачил завернутую в упаковочную бумагу голову. Укладывая ее на заднее сиденье, подумал: учитывая разницу в размерах, человеческая должна весить килограмма три, три с половиной. Но что же за кулинарный шедевр задумала Марина?

Спрашивать не стал. Пусть будет сюрприз, неожиданность...

Триада седьмая

Прогулка вечерней порой

1

На прогулке по главной улице Загривья настояла Марина. По главной и единственной – отходящие в сторону небольшие, на два-три дома, ответвления названия улиц не заслуживали...

Кирилл подозревал, что поводом для решения супруги о вечернем променаде послужила незавершенная стычка с Клавой-продавщицей. Не исключено, что ему придется приезжать сюда в одиночку, – и благоверная спешит продемонстрировать всем тоскующим о женихах деревенским красоткам: ничего вам тут не обломится.

Если Марина и впрямь руководствовалась такими намерениями, а не решила попросту подышать свежим воздухом, то она просчиталась. Красотки упорно не желали встречаться на их пути. Не иначе как сидели по домам и строили коварные планы.

Да и прочих гуляющих не видно... И спешащих по делам не видно. Лишь пару раз мелькнули вдали смутно видимые фигуры. Шествуя под руку с женой по абсолютно пустынной

улице, Кирилл чувствовал себя глуповато.

Они подошли к запертому по вечернему времени продуктовому магазину – какая-либо вывеска на унылом здании из силикатного кирпича отсутствовала, равно как и расписание работы. Догадаться о его назначении позволяли лишь смутно видимые через окно полки, уставленные продуктами...

Дверь магазина, кстати, обрамляли резные наличники, несколько нелепо тут смотревшиеся. На окнах имелись ставни, отчего-то не закрытые, – и не казенные, безлико-железные – тоже деревянные, резные. Кирилл подошел поближе, пригляделся: ну конечно, знакомый орнамент.

Очевидно, здесь имел место административно-деловой центр деревни – неподалеку стояло второе здание, тоже серо-кирпичное: несколько отдельных входов, над одним понуро свисает выцветший российский триколор, над другим – не менее выцветшая эмблема Сбербанка, рядом с третьим – синий почтовый ящик, но этот недавно покрашен, сверкает свежей краской...

И, разумеется, наличники и ставни – в полном комплекте. Подходить Кирилл поленился, и без того ясно, что увидит... Неясно другое: отчего похожих украшений нет на доме покойного Викентия, – пожалуй, на единственном во всем Загрьивье. Старик воевал в Отечественную и с тех пор люто возненавидел нацистскую символику? Так мог бы изобразить или заказать другой узор... Из сплетенных серпов-молотов, например.

Неподалеку от магазина лежали обтесанные бревна, наваленные небрежной кучей. По всему судя, лежали относительно долго – год, или два, или три: сгнить не сгнили, но потемнели от непогоды.

По рассуждению Кирилла, здесь всенепременно должны были кучковаться местные алкаши – везде и всюду на просторах необъятной страны эта публика предпочитает отираться неподалеку от источника живительной влаги.

Однако – не отирались.

Может, предпочитают пить дома напитки собственной перегонки, закусывая домашними же грибочками-огурчиками?

Но почему тогда здесь не тусуется местная молодежь? Не сидят на бревнышках, не треплются о том, о сем, не бренчат на гитаре или не гоняют раздолбанный магнитофон, не хихикают беспричинно и глуповато, не подбивают неумело клинья к девчонкам-ровесницам... А ведь есть, есть дети и молодежь в Загривье: та же Клава, и Юрок-вивисектор (хотя ему-то на вечерние гулянки рановато), и та, оставшаяся для них безымянной, первая встреченная девчонка... И несколько других парней и девушек, встреченных позже...

– Пойдем обратно? – предложил Кирилл, прекратив ломать голову над странностями здешнего вечернего досуга. – Appetit уже нагуляли... У меня слюнки текут при мысли о твоих отбивных.

Марина ответить не успела – оба одновременно увидели

шагающего к ним человека. Вышел ли он из какого-то входа «административного здания» (хотя ни одно окно там не светилось), или вывернул из-за его угла, – они не поняли, обернулись в ту сторону несколько позже. Но направление целеустремленных шагов сомнений не вызывало – к ним.

Мужчина, среднего роста, лет сорок, сорок пять. Короткая стрижка, чисто выбритое лицо с резкими чертами. Пиджак свободного покроя несколько потертый, с кожаными нашлепками на локтях, – однако же Кирилл до сих пор не встречал загрявских аборигенов в такой одежде... Идет торпливо, но походка не суетливая, как у того же Трофима, – уверенная.

Подойдя, незнакомец представился коротко:

– Рябцев.

Больше ничего не прозвучало: ни имени, ни отчества, ни кто такой и почему ими заинтересовался... Лишь короткий не то кивок, не то полупоклон – голова чуть дернулась к груди и вернулась в исходное положение.

– Кирилл...

– Марина...

Они назвали свои имена немного растерянно, пытаясь понять подходящий модус операнди в общении с непонятным пока Рябцевым. Тот уже тянул руку для пожатия – столь же уверенным движением.

Кирилл ответно протянул ладонь – ничего себе хватка у мужичка, не из слабаков будет.

А вот Марина...

Марина отступила на полшага, улыбнулась и подняла руку куда выше, чем положено для рукопожатия. И повернула слегка согнутую кисть ладонью вниз.

Понятно... Первый пробный шар. Проверка на вшивость.

Рябцев посмотрел ей прямо в глаза – недолго, какую-то секунду, но показалась она Кириллу бесконечной. А еще показалось, что Рябцев сейчас попросту проигнорирует вызов Марины, супруга так и останется стоять с протянутой рукой, и будет выглядеть нелепо и жалко...

Не проигнорировал. Быстро, уверенно протянул руку, вернул ладонь Марины в надлежащее положение, пожал осторожно. Словно опасался раздавить хрупкие пальчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.